

Старику шел уже девяностый год – какой врач согласится на операцию! Однако досадное падение во время утренней прогулки, боком на торчащий из земли тонкий прут арматуры, не оставляло иного выбора.

Лежа на операционном столе, старик внимательно слушал хирурга. Его приятный, обволакивающий баритон звучал успокаивающе:

– Не переживайте, все будет хорошо, операция стандартная. Немного посложнее будет с восстановительным периодом. В принципе, я вам уже об этом говорил, вы, главное, не переживайте, это вам сейчас категорически противопоказано.

– Да я что?.. До лета только дожить хочется.

На лицо ему надели маску. «Считайте до десяти, Кузьма Егорович». – «Один, два, три, четыре, пять...» – принялся прилежно отсчитывать старик. Цифра шесть неподвижной массой завязла на его непослушном языке, и операционную поглотила тьма.

Очнулся старик в темном лесу и сразу насторожился: почему так тихо? Он резко, по-птичьи, задергал головой, озираясь по сторонам, – никого. Какое-то внутреннее чувство подсказывало, что надо срочно искать выход из мрачной чащи. Не переставая оглядываться, он осторожно двинулся наугад в поисках хотя бы редколесья, а уж там, глядишь, проще будет. Пройдя немного, старик напал на тропинку и пошел уже по ней. Тропинка временами терялась среди густой травы, а вскоре пропала и вовсе. Он остановился в раздумье, в какую сторону направиться. И в тот же миг словно кто-то, невидимый, зашептал ему на ухо: «Оглянись! Оглянись!»

Позади скалился огромный серый волк. Старик в страхе бросился прочь, ища спасения в густой чаще, но волк не отставал. Старик

оглянулся – оскаленная пасть с крупными желтыми клыками находилась всего в одном прыжке. «А-а-а!» – закричал старик, кинувшись к дубу. Еще миг – и он запрыгнет в большое дупло, но от сильного толчка растянулся во весь рост. «А-а-а!» – еще сильнее заверещал от страха старик, оборачиваясь. И – невероятное дело: вместо волка за ногу его держал зубами Васятка.

«Васятка! Братик! Родимый!» – зарыдал старик, уговаривая мальчика отпустить его. Тот ослабил хватку, повернул голову набок, задумчиво глядя ему в глаза, затем засмеялся и снова стал тем маленьким бо-соногим малышом, который откликался на любую шутку или ласковое слово. Братик... Старик успокоился, и в этот самый момент и Васятка, и волк исчезли, и оказался он в той дикой голодной весне тридцать третьего года, в которой шел ему девятый годок от роду – такой беспощадно горестный год, что и вспоминать – как по живому резать, хоть криком кричи. А лучше и забыть навсегда – так, словно и не было ничего. А оно сейчас вдруг предстало, как наяву.

Они втроем, сгорбившись, греются на солнышке на завалинке перед низенькой избенкой: он сам, младший брат Сергунька и десятилетняя сестра Машенька. В глазах плавают темные круги, но он уже привык к ним и неотрывно глядит вдаль, за край леса, до тех пор, пока все вокруг не закачалось в туманной пелене. Он отводит взгляд, но еще долгое время не может ничего видеть слезящимися по-старчески глазами.

Говорили помаленьку, переводя от слабости дыхание.

– Дожить бы до лета, да, Кузьма? – хрипло просипел, обращаясь к нему, худенький Сергунька. – Mamka говорит, лебеды наедемся вдоволь, ягод.

– Да, – подхватил он тихим голосом, – хорошо будет. Тятя рыбу в Волге будет ловить, от уши силушка появится, а там уже и осень недалече – хлебушко уродится.

Все радостно оживились.

– А тятя говорит: грибное лето должно быть, – мечтательно улыбнулась Машенька.

– Да... орехи пойдут... чем не жизнь! – Сергунька расслабленно привалился к стене, сглатывая слюну, и принялся ожесточенно чесать язвочку на щеке. – Вот же чешется, зараза!

При виде потекшей по лицу брата сукровицы Машенька ласково взяла его за руку.

– Да не расчесывай уже. У Кузьмы все лицо стало в ямках. Терпи уже.

– Да не могу я терпеть, невмочь совсем. Mamka говорит, что скоро все равно пройдет, до крапивы бы только дотерпеть. А там уже точно все пройдет, совсем хорошо станет.

– Да, – радостно вздохнули дети, отвлекшись, – дожить бы...

– А Васятка умрет скоро, я сама слышала: тятя мамке сказывал, – всхлипнула Машенька.

Все замолчали, утирая слезы: Васятка был всеобщим любимцем.

– Как мы без него жить станем?

– Жалко Васятку. Так голодным и отойдет. Яшу тоже жалко было, но он хоть быстро отмучился.

– А то не жалко... – вздохнула Машенька. – Я вся кровью обливалась, как он хрипел. Плакать-то уже не мог даже от голода. А ведь со-сунок еще был, такой крошечный в гробике лежал. Ему теперь хорошо там, на небе. Хорошо... И кушать не хочется.

Кузьма сосредоточенно нахмурился и с твердой решимостью в голосе сказал:

– Был бы у меня сейчас кусочек хлебца, я бы его Васятке отдал, весь-весь, до крошечки.

Сергунька, проглотив слюну, вздохнул:

– Я бы – тоже. Только зачем он ему теперь: все равно не жилец.

Перед Кузьмой опять поплыли темные круги. Преодолевая дрожь в ногах, он нехотя поднялся.

– Пойду я... водицы попить. Больно уж в пузе скребет, и голова болеть начала.

На пороге Кузьма споткнулся и упал на давно не мытый грязный пол.

Сидевшая за столом мамка безучастно скользнула по нему огромными ввалившимися глазами и опять опустила вниз заострившееся лицо. Кожа на ее лбу стала тонкой, землистой, как у тех покойников, которых Кузьма раньше, когда не страшно еще было выходить со двора, видел на улице, прежде чем их успевали унести.

Он ждал, что мамка поможет ему подняться, но та, скользнув по нему унылым взглядом, продолжала сидеть. Прележав некоторое время, Кузьма все же собрался с силами и, опираясь о стенку, встал, выпил целый ковшик воды, добрел до мамки и присел возле.

На печи противно захныкал Васятка:

– Мамка, кусать хочу.

Ему было уже три года, а он все не умел ходить. В два года, правда, пошел, но после перестал.

Мамка тоскливо посмотрела на него и снова ушла в себя.

– Мамка, дай чего-нибудь покусать. Мамка, кусать хочу, – изводил тихим плаксивым голосом брат.

Он ненадолго замолкал и снова начинал ныть:

– Мамка, кусать...

Мамка вдруг очнулась и злобно, срываясь на визг, закричала:

– Заткнись, гадина! У-у, аспиды! Все соки высосали! У-у... – она затрясла кулачками и, внезапно выйдя из себя, схватила Кузьму за чуб. – Аспиды! Кровососы! Всю душу из меня выели!

Братья горько заревели. Мамка вдруг уронила голову на сложенные на столе руки и словно одеревенела. Из узкой спины ее выпирали острые лопатки. Кузьме стало жалко мамку, и он с плачем прижался к ней.

– Мамка, мамочка... милая... только не сердись... мамочка...

Он почувствовал, как рука ее ласково прошлась по его волосам.

– Простите меня, детоньки. Сама не знаю, что говорю. За что нам такое? На муки бы пошла, только бы вас спасти. Кабы знать только, что делать... кабы знать... – задумчиво повторила она.

Мамка хотела заплакать, но слезы не шли, и она снова замолчала; рука ее застыла на голове сына.

Ночью Кузьма спал плохо, часто просыпался от громкого урчания в собственном животе. Из родительского угла, где спал и Васятка, слышались его затухающие прерывистые стоны: «Мамка... кусать... хлебца...» Когда Кузьма проснулся в другой раз, то братик уже не произнес ни звука и лишь иногда прерывисто вздыхал. Из темноты донесся шепоток родителей. «Помирает... иначе не дотянем... деток надо спасать». Мамка тихонечко заголосила в подушку.

– Тише! Разбудишь! – сердито произнес тятя.

Плач ее стал совсем тихим, приглушенным то ли подушкой, то ли одеялом.

Кузьма хотел спуститься с печки и подойти к братику, но ему отчего-то стало страшно, да и не было никаких сил подняться, и он лежал, прислушиваясь, пока сон все-таки не сморил его.

Проснувшись в очередной раз, Кузьма услышал мамкин надтреснутый голос:

– Егор, деток не разбуди. Иди в сарай.

Тихо стукнула дверь, и Кузьма теперь уже уснул окончательно, до рассвета.

Разбудил его запах мяса. Он боялся поверить: «Еда!»

– Мамка варит! – зашептал ему в самое ухо Сергунька. – Васятка поест – жив останется.

Откуда вдруг в доме взялось мясо – Кузьма и помыслить не мог. Он знал, что случилось какое-то чудо. Может, власть выделила еду, чтобы людей спасти, ведь давно уже обещали? Теперь они, наконец, набьют живот и избавятся от непрекращающихся болей и тошноты. Не надо будет пить столько воды, от которой и так уже разбухло пузо, как у баб на сносях.

Мясо! Будет сила, глядишь – и до травы дотянут. Жить останутся.

Никто уже не спал. Все с шумом вдыхали аромат варившегося мяса.

– Мясе... – мечтательно закатил глаза Сергунька. – Мамка мясца даст.

Тятя, почерневший лицом еще сильнее, не глядел в их сторону.

– Вставайте уже... есть будем, – тяжело вздохнул он.

Пока тятя снимал с печи Яшу, мамка осторожно, чтобы не расплескать, поставила на стол большую деревянную миску, от которой по всей избе разносился будоражащий запах.

Тятя положил возле каждого нарезанные куски мяса. Наваристая, хоть и без единого зернышка и капустки, но подкрашенная свеклой похлебка была так вкусна, что тятя пришлось сердито прикрикнуть: «Цыц! По очереди!» – из-за того что дети в спешке сталкивались ложками.

Кузьма не замечал ничего вокруг, спеша насытиться, и лишь когда миска опустела и все замерли, выжидательно глядя на тятю, он заметил, что чего-то не хватает. Оглядевшись, Кузьма понял, что не так: не доносилось жалобного хныканья Васятки. Братик ни разу не попросил кушать.

– Тятя, а где Васятка? – испуганно спросил Кузьма.

Тот нахмурился, взъерошил пятерней спутанные космы и с силой потянул вверх, отворачиваясь в сторону.

– Украли Васятку-то, волки унесли... Мы с мамкой за мясом ходили... на склад, а дверь запереть забыли.

...Сон старика исчез так же внезапно, как и появился, и ничего уже не снилось, однако, странное дело, все еще находясь под воздействием наркоза, он стал думать так, будто бодрствовал, и продолжал вспоминать.

Тем вечером, перед тем как уснуть, мальчишки шептались на печи: «А помните, у Семеновых тоже волки ребенка унесли?» – «Ага... а люди сказывают, съели они его». – «Так... а Васятка... может...» – «Нет, не может ничего такого быть. У нас тятя с мамкой настоящие. Васятку точно волки унесли», – заключили братья.

И все же с той поры зародилось в Кузьме сомнение, о котором и помыслить страшился, а все равно крепко оно в нем застряло. Годы летели, много чего было, Кузьма превратился в Кузьму Егоровича, вначале немолодого, а затем уже и старого, забывчивого. И память уже успокоилась, остыла, да и не в силах была удержать всего. Многие из

того, что в свое время волновало, терзало или радовало душу долгие годы, подзабылось, и если и вспоминалось, то куда спокойнее – так же, как, бывает, пробежит от легкого ветерка по тихой воде мелкая рябь и исчезнет, так и не всколыхнув глубины. А Васятка... Васятка все равно всегда был с ним. Всегда. По молодости, правда, совсем редко вспоминался, но это только по молодости, а потом... потом все чаще и чаще. И все сильнее ныло сердце, и все сильнее тянуло с ним встретиться – там, за порогом жизни. И чтобы братик обязательно ответил, наконец, на мучивший старика вопрос, а если вдруг что не так, то простил. «Эх, Васятка, встретиться бы с тобой поскорее. Во что бы то ни стало. Я знаю: что бы то ни было, ты все равно простишь. А если нет на мне никакой вины, то еще лучше. А потом мы обнимемся – как бывало прежде».

И, странное дело, старик, лишь отдельными кусками способный вспомнить, как росли его собственные дети, словно бы почувствовал сейчас нежность худеньких ладошек, с такой любовью обвивавших много лет назад шею старшего брата. Васятка прижимался к нему всем своим тельцем, и оба замирали, полные восторженной любви друг к другу. Только бы оно повторилось, это объятие, – там, где они, наконец, встретятся.

Внезапно старика ослепил яркий свет, от которого слегка закружилась голова. Немного привыкнув к нему, он увидел, что совершенно один в странном пространстве – как если бы очутился внутри сказочного калейдоскопа. Старик в буквальном смысле висел в воздухе, потому что никакой опоры под ногами не существовало. Как в морской глубине вокруг только одна вода, так и здесь его окружало невиданной прежде белизны пространство, состоявшее из искрившихся, переливавшихся вспышками яркого света мозаичных осколков. Он вспомнил, что лежит сейчас на операционном столе, и чувство горького, непостижимого одиночества обожгло его ужасающей догадкой, что в этом сверкающем царственном склепе ему предстоит провести целую вечность. «Неужели я умер?!» И еще более мучительная мысль породила в нем внутренний крик: «А Васятка! А тятя! А мама! А Яша! Машенька! Сергунька! Неужели каждый из них находится в подобном одиночестве и нам не суждено встретиться?! Неужто вот он какой, тот свет?! И выходит, что все земные надежды – обман, иллюзия, в которую мы верим?! Тогда что есть в этом мире настоящего, кроме этого тоскливого безмолвия? Какой смысл в такой жестокой бессмысленной вечности?!»

Между тем откуда-то из-за пределов его белоснежного склепа слышались глухие, чуть слышные голоса. Старик напрягся. Голоса приблизились, зазвучали явственно.

– Ира, следи за ним, я отойду, – густой мужской бас показался знакомым.

– Сколько ему еще? – мелодично прозвучал в ответ голосок молодой женщины.

– Да в принципе... вот-вот уже, наркоз-то легкий.

Старик сообразил: оказывается, этот склеп, что сейчас привиделся, – всего лишь странный сон опьяненного наркозом сознания, а значит, все будет так, как положено. И во что бы то ни стало будет встреча – придет срок!

Кузьма Егорович открыл глаза. Склонившаяся над ним молоденькая симпатичная медсестренка радостно воскликнула, обращаясь к хирургу:

– Все, Сергей Николаевич, он проснулся!